

Н.И. КАРЕЕВ

УИЛЬЯМ ГОДВИН И ЕГО «ПОЛИТИЧЕСКАЯ СПРАВЕДЛИВОСТЬ»

Имя Уильяма Годвина (1756–1836), на которого мы теперь смотрим как на родоначальника теоретического анархизма, чуть не до конца прошлого века было известно большинству образованной публики только по связи его с двумя именами: знаменитого экономиста Мальтуса, полемизировавшего с Годвином, и великого поэта Шелли, его зятя. «Опыт о народонаселении» первого, написанный в опровержение социальных идей Годвина, изучался, излагался, комментировался, опровергался, но чем была «Политическая справедливость» Годвина, возражением на которую явился трактат Мальтуса, это обыкновенно оставалось неведомым. В конце XVIII века это произведение было очень популярно, но уже в начале прошлого столетия о Годвине так мало говорили, что около 1810 года Шелли, находясь под сильным влиянием идей Годвина, был крайне удивлен, когда узнал, что автор «Политической справедливости», которого он считал давно умершим, еще здравствует на белом свете. Знаменитый трактат Годвина, вышедший в свет двумя изданиями в 1793 и 1796 годах, в первую половину XIX в. мало кем читался. Прожил его автор очень долго, до восьмидесятилетнего возраста, совсем позабытый современниками, и лишь спустя сорок лет после его смерти появилась первая его биография, достаточно объемистая и полная, чтобы дать о нем сколько-нибудь исчерпывающие представление. Только позднее, когда стали распространяться идеи анархизма, вспомнили о Годвине как о родоначальнике этого течения, и содержание «Политической справедливости» стало делаться более известным в широких кругах читателей. Но время более серьезного, чисто научного исследования социологической теории Годвина еще пока не наступило.

Первая биография Годвина в двух томах, написанная К. Полом¹, вышла в свет в 1876 году. Этот труд пользуется хорошей репутацией и является основным для всех дальнейших жизнеописаний Годвина. Через тридцать лет после этого исполнилось полтора столетия со дня рождения Годвина, что вызвало появление в следующем году двух небольших о нем работ на немецком языке, из которых в одной 85 страниц, правда, убогой печати, в другой – 71. Первая из них написана П. Рамусом², вторая – Еленой [Давыдовой] Зайцевой³, и в обеих,

Публикация подготовлена в рамках исследования, поддержанного РФФИ, грант № 18-011-01168 А.

Печатается по изданию: Кареев Н.И. Вильям Годвин и его «Политическая справедливость» // Институт истории. Ученые записки. Вып. 3. М.: РАНИОН, 1929. С. 327–340. Название и текст публикуемой статьи приведены в соответствии с современными правилами орфографии и пунктуации, исправлены опечатки и неточности в названиях литературных источников, написание иноязычных имен и фамилий приведено в соответствии с принятыми на сегодняшний день их русскоязычными аналогами и правилами транслитерации. Постраничные сноски, если не заключены в квадратные скобки и/или не указано иное, принадлежат Н.И. Карееву.

¹[Charles] Kegan Paul. William Godwin: His Friends and Contemporaries. [1876. В оригинальной статье 1929 г. автор данной работы о Годвине упоминается как «П. Керан». Судя по всему, Н.И. Кареев перепутал его имя с фамилией. – Прим. ред.]

²Ramus P. William Godwin, der Theoretiker des kommunistischen Anarchismus. [1907. В русском переводе: Рамус П. Вильям Годвин как теоретик коммунистического анархизма. В оригинальной статье 1929 г. название данной работы П. Рамуса приводится с ошибкой: «William Godwin, der Theoretiker des anarchischen Kommunismus» («Уильям Годвин как теоретик анархического коммунизма»). Сейчас сложно сказать, была вкрапшаяся в название неточность случайной или преднамеренной, сделанной по идеологическим и цензурным соображениям. – Прим. ред.]

³Helene Saitzeff. William Godwin und die Anfänge des Anarchismus [im XVIII. Jahrhundert: ein Beitrag zur Geschichte des politischen Individualismus. 1907. В оригинальном тексте статьи 1929 г. название

имеющих одинаково юбилейный характер, Годвин берется главным образом со стороны отношения к анархизму. Оба автора останавливаются на общественных идеях Годвина, Рамус больше (30 стр.), Зайцева меньше (8 стр.), но не совсем одинаково понимают его значение в истории анархизма. Работе Рамуса предпослано предисловие д-ра В. Боргиуса, хвалящего книжку как серьезную и вполне научную, а сам Боргиус – человек в вопросе компетентный как автор небольшой книжки «Die Ideenwelt des Anarchismus» (по-русски: «Теоретические основы анархизма», 1906 г.). Ни одна из этих книжек, написанных в сочувственном анархизму духе, не была известна двум французским писателям, вскоре потом выпустившим в свет по биографии Годвина с подробными, однако, изложениями «Политической справедливости». Я говорю о книгах Гурга⁴ и Руссена⁵, вышедших в свет в 1908 и 1913 годах.

Конец XIX и начало XX века были ознаменованы появлением целого ряда сочинений об анархизме (Эльцбахера, Ценкера, Цокколи, Штаммлера, Кульчицкого и др.), что не могло пройти бесследно для оживления интереса к Годвину как к родоначальнику этого направления мысли. Когда Эльцбахер выпустил в свет свою книгу об анархизме, бывшую трижды переведенной на русский язык, книгу с очень объективным изложением отдельных учений, но без всякого объяснения существующих между ними связей, П.А. Кропоткин, сам выдающийся анархист, в своем обширном отзыве об этой книге (в «Les Nouveaux Temps» за 1900 г.) очень ее похвалил как книгу, в которой обращено особое внимание на «замечательный труд Годвина, мало известный во Франции и в Германии и сделавшийся библиографическою редкостью». Таким образом, уже в самом конце прошлого столетия приходилось вменять в заслугу внимательное отношение к автору «Политической справедливости». Сам Кропоткин необычайно высоко ставил Годвина как первого теоретика анархизма, хотя он и не употреблял этого термина. В своей книге «Современная наука и анархия» (1921) Кропоткин, как известно, отвел достаточно места Годвину, но кроме того мне известно, что только смерть не дала ему написать о Годвине особую книгу. Не нужно, однако, думать, что этот интерес к забытому мыслителю разделялся только его единомышленниками. Эльцбахер, например, очень далек был от анархизма. Конечно, стояли очень далеко от этого направления такие ученые, как [А.] Гельд и А. Менгер; между тем в их хорошо известных книгах Годвину отведено надлежащее место⁶.

Есть еще одна научная область, в которой на Годвина было обращено внимание. Я имею в виду вопрос о влиянии Французской революции на Англию и об отношении к этой революции передовых англичан, к каковым принадлежал Годвин. Большой поклонник французской философии XVIII века, он необычайно заинтересовался событиями, происходящими во Франции с 1789 года, и уже в 1796 году оставил свое семилетнее сотрудничество в «New Annual Register», чтобы целиком предаться работе над своим большим трактатом, который и вышел в свет в начале 1793 года, когда в Англии уже существовала целая публицистическая литература о революции в соседней стране. Но «Политическая справедливость» Годвина существенно отличается от других книг в этом роде. Автор не излагает и не обсуждает принципы, законодательство и поведение политических деятелей Франции, а пишет совершенно отвлеченный нравственно-общественный трактат, в котором дает целую социологическую систему с экскурсиями в области психологии, политики, юриспруденции и политической экономии, почти нигде не упоминая

докторской диссертации Е.Д. Зайцевой приводится с ошибкой: «William Godwin und die Anfänge des Kommunismus» («Уильям Годвин и истоки коммунизма»). И как с работой П. Рамуса (см. предыдущее примечание), остается только гадать, была эта неточность случайной или преднамеренной. – Прим. ред.]

⁴ Gourg R. William Godwin (1756–1836): sa vie, ses œuvres principales; la «Justice politique». [1908.]

⁵ Henri Roussin. William Godwin [1756–1836]. 1913.]

⁶ Held A. Zwei Bücher zur sozialen Geschichte Englands. 1881; Menger A. Das Recht auf den vollen Arbeitsertrag [in geschichtlichen Darstellung]. 1904. [В русском переводе: Менгер А. Право на полный продукт труда. – Прим. ред.]

о происходившей во Франции революции. Тем не менее идеологически трактат Годвина связан с революцией теснейшим образом.

Английские исследователи уже лет пятьдесят тому назад упоминают имя Годвина в своих исторических работах о XVIII веке как имя человека, сочувствующего Французской революции, на которую сами они смотрели иногда с точки зрения, установленной Берком. Так, У. Смит в своих «Лекциях о Французской революции»⁷ старается выставить Годвина как революционера, который от себя мог говорить одни лишь смешные вещи. Менее резко, но также отрицательно отнесся к Годвину Лесли Стивен в своей «Истории английской мысли в XVIII веке»⁸, где отмечает французское происхождение идей «Политической справедливости», ярко обнаружившей «истинную природу принципов, которые вызывали ужас Берка и консерваторов», но не могли пустить корней в английской нации с ее практицизмом. Приблизительно таким же образом аттестует Годвина и Доуден в своих лекциях «Французская революция и английская литература»⁹. В VIII томе «Кембриджской новой истории»¹⁰ есть особая глава «Европа и Французская революция», где Годвину отведено около страницы (767–768), причем повторяется мысль о французском происхождении и характере его мышления. Ни в одной из этих книг не упоминается ни единым словом об анархизме Годвина. Но все эти упоминания являются сравнительно недавними. Например, еще в «Истории цивилизации в Англии» Бокля, там, где говорится о влиянии Французской революции, о Годвине нет ни слова, и даже столь начитанный автор не упоминает о «Политической справедливости» в перечне своих источников и пособий, хотя и отмечает одно позднейшее возражение Годвина Мальтусу.

Французских историков революции, никогда при случае не забывающих упомянуть Берка, Годвин совершенно не интересовал. Даже [А.] Сорель, специально изучавший франко-европейские отношения в эпоху революции¹¹, не нашел нужным что-либо о нем сказать. Исключение представляет собой только [Ж.] Жорес в своей «Социалистической истории», где в большой главе, называющейся «Революция и европейские политические и социальные идеи», около сорока очень больших страниц он отвел изложению «Политической справедливости» Годвина¹². К автору этого «достойного удивления и смелого», по его определению, трактата он относится с большим уважением как к «первому крупному теоретику-свободнику» (*libertaire*), хотя в то же время осуждает его как «гордого и надменного индивидуалиста» за его явное нерасположение к революционному методу в политике, объясняемое Жоресом из принципиального отрицания Годвином какого бы то ни было правительственного действия. Со своей точки зрения, Жорес гораздо более интересовался отрицательным отношением Годвина к гугверnementальному методу Французской революции, чем его анархизмом, им же самым отодвигаемым в самое отдаленное будущее. Поэтому, излагая идеи Годвина, он мало отводит места анализу и систематизации самого годвинского анархизма.

Биография Годвина, по крайней мере в наиболее общих своих очертаниях, уже достаточно известна благодаря Кегану [Полу], на которого опираются Гург и Руссен. Наиболее интересным в этой биографии вопросом является эволюция его мирозерцания, приведшая его к принципиальному отрицанию всякой власти, к отрицанию всякого

⁷ Smyth W. Lectures on the French Revolution. [In 3 vols. 1842.]

⁸ Stephen L. History of English Thought in the Eighteenth Century. 1876. (Есть издание 1902 г.)

⁹ Dowden E. The French Revolution and English Literature. 1897.

¹⁰ The Cambridge Modern History. [Vol. VIII: The French Revolution.] 1904. Глава о влиянии революции принадлежит Gooch'y [Дж.П. Гучу. – Прим. ред.].

¹¹ Sorel A. L'Europe et la Révolution française. [1885–1892. В русском переводе: Сорель А. Европа и Французская революция. – Прим. ред.]

¹² Есть в русском переводе в виде отдельной книги под заглавием: Жорес Ж. История Великой Французской революции. Т. 3: Конвент (1). Вып. 2:] Социально-политические идеи Европы и революция, 1923]. Во французском подлиннике это вторая половина первого тома «Конвента» (третьего [тома] в целой «Histoire socialiste»).

государства, всех форм правления, каких бы то ни было законов и к провозглашению суверенитета единичной автономной личности, составляющего основную идею его анархизма. Годвин вышел из сектантской среды и первоначально сам был проповедником в одной диссентерской¹³ общине. Бурная революционная пора английского сектантства с его индивидуалистическими, анархическими и коммунистическими стремлениями сороковых и пятидесятих годов XVII века окончилась тотчас же после реставрации Стюартов (1660), когда наступила пора мирного жития. Сектантское движение, породившее разных «независимых» (индепенденты), «уравнителей» (левеллеры), анархистов («люди пятой монархии»), коммунистов («диггеры»), в эпоху после второй революции (1689) было совершенно лишено социальной остроты. Но некоторые традиции революционного сектантства продолжали еще жить в сердцах по крайней мере части английских диссентеров. Одним из наследий эпохи, когда сектанты играли политическую роль, был тот религиозный индивидуализм, который проявился в американском отделении церкви от государства, с одной стороны, а с другой, в самой Англии, в постепенном превращении – в некоторых умах, конечно – веры во «внутреннее откровение», в веру в разум. В эпоху реставрации Стюартов в Англии народились так называемые свободные мыслители (free thinkers), рационалисты, заменившие прежние ссылки на волю Божию ссылками на открываемое разумом естественное право, и индивидуалисты, превыше всего ставившие личную свободу не только в религии, но и в других сферах человеческой жизни. Годвин воспитался в понятиях диссентерской среды, а потом подвергся еще влиянию французской рационалистической философии, от которой воспринял наиболее индивидуалистические лозунги, [но] отнюдь не ее политические идеи в духе ли просвещенного абсолютизма Вольтера и физиократов, в духе ли народовластия Руссо и Мабли, безразлично. Вообще в XVIII в. этатизм был чужд английской философии, после того как Локк в своих «Двух трактатах о правлении» еще в конце XVII века до последней крайности ограничил права государства над личностью гражданина, а во второй половине XVIII столетия Адам Смит в своем «Богатстве народов» (1776) и Бентам во «Введении в основания нравственности и законодательства» (1780) провозгласили, что каждый человек является наилучшим судьей в своих собственных делах и в этом смысле не должен быть стесняем правительственным вмешательством. Годвин только пошел еще дальше. Английские писатели, сводившие все мышление Годвина к одному французскому источнику, упустили из виду отношения, связывающие его с английским сектантством и с английскою политическою мыслью. Не могу не отметить здесь, что из всех писавших о Годвине одна только Елена Зайцева нашла нужным дать краткий обзор предыдущего умственного движения, хотя несколько и умалила английское влияние сравнительно с французским.

Во всяком случае проблема зависимости Годвина от его английских предшественников должна быть поставлена. Его нельзя отрывать от Мильтона, Генри Вена [младшего], Локка, Адама Смита, Бентама во всем, что касается свободы личности. Те французские писатели, которые влияли на него в том же направлении, сами в данном отношении были учениками англичан. То, что шло от чисто французских политических традиций – от преклонения перед королевским суверенитетом у Бодена, от преклонения перед суверенным народом у Руссо – для англичанина Годвина было неприемлемо.

Любопытно, что когда вспыхнула Французская революция, особенно много сторонников она нашла среди английских диссентеров. Известно, что одним из наиболее горячих защитников ее в Англии был богослов и ученый Джозеф Пристли, сам из-за этого пострадавший, но мало известно, что еще в середине XVIII в. он издал брошюру «Принципы

¹³ Диссентеры (англ. dissenters) – в Англии одно из наименований протестантов, отклонявшихся от официально принятого вероисповедания и подвергавшихся преследованиям со стороны государственной церкви. В оригинальном тексте статьи 1929 г. Кареев, говоря о диссентерах, использует иной, близкий по смыслу, но все же не вполне корректный термин – *диссиденты* (а также производные от него формы прилагательного *диссидентский*). При подготовке статьи к публикации было принято решение заменить «диссидентов» на «диссентеров». – *Прим. ред.*

и поведение протестантского диссентера»¹⁴ с эпиграфом: «На земле не должно быть никакого господина, ибо есть только один господин – сам Христос», что было как бы повторением одного из тезисов индепендента середины XVII в. Генри Вена. Собственно говоря, демократическое движение в Англии началось еще за десятилетие до взрыва революции во Франции, и в 1780 г. в Лондоне уже существовало Общество Конституционной информации; но с 1789 г. начали основываться новые и новые политические ассоциации, входившие в сношения с деятелями Французской революции. Характерно, что в числе их членов было особенно много диссентеров. С другой стороны, правда, революция в соседней стране сделала консерваторами многих политических деятелей Англии, например известного прежде своим либерализмом Эдмунда Берка¹⁵, но как раз нападки последнего на Французскую революцию и вызвали ряд ее апологий.

Вот в самых беглых чертах тот общий исторический фон, на котором следует изучать Годвина в первый период его жизни, то есть до появления «Политической справедливости», когда автору было уже около 37 лет. Сын и внук проповедников одной из очень строгих сектантских общин, сам в раннем детстве охотнее всего в своих играх представлявший себе проповедником, учившийся в школе, где воспитанники тоже произносили друг другу проповеди, уже семнадцатилетним юношей Годвин мечтал не о чем ином, как о том, чтобы сделаться проповедником, и с этой целью поступил в одну конфессиональную богословскую школу, где пять лет еще изучал Библию, теологическую литературу и даже писания еретиков, нисколько, однако, на первых порах не колебавшие его до фанатизма искреннее кальвинистское правоверие. Из этой школы Годвин вынес, кроме обширных познаний в областях теологии и метафизики, изощренную способность к отвлеченному мышлению и к диалектике, а вместе с тем и неколебимую индепендентскую веру в то, что всякое вмешательство государственной власти в сферу религии противно священному писанию. 22 лет от роду он был уже проповедником в одной захолустной религиозной общине, где споры с одним сверстником и товарищем по профессии впервые пробудили в нем критический дух. Этот его приятель, которого звали Фаусет, особенно восставал против стеснений, налагаемых на личную независимость человека такими узами, каковыми является семья. Годвин не мог при разговорах с ним не вспоминать сурового, прямо-таки жестокого обращения с ним родного отца. Уже в другом городке он сблизился еще с одним человеком по имени Норман, который стал давать ему для прочтения сочинения Руссо, Мабли, Гельвеция и Гольбаха. Они положили начало перевороту в уме двадцатипятилетнего юноши; из всех этих писателей наибольшее влияние оказал на него Гельвеций. Напрасно поэтому Кейм, автор книги о последнем¹⁶, говоря о влиянии Гельвеция в Англии, едва упоминает о Годвине, да и то лишь предположительно и с чужих слов. Из авторов, писавших о Годвине, наибольшее внимание обратила на влияние на него французской литературы Елена Зайцева, посвятившая около пяти седьмых своей небольшой книжки общему очерку этого предмета, который, конечно, заслуживает по отношению к Годвину более специального и детального изучения.

Утратив свою прежнюю религиозную веру, Годвин уже считал для себя невозможным оставаться духовным, исполнять обязанности проповедника и носить особое платье – он отказался от своих пастырских обязанностей и стал жить литературным трудом. Выяснением религиозных взглядов Годвина занялся особенно Гург в отдельной главе,

¹⁴ Priestley J. A View of the Principles and Conduct of the Protestant Dissenters, with Respect to the Civil and Ecclesiastical Constitution of England. London: Printed for J. Johnson and J. Payne, 1769. – Прим. ред.

¹⁵ Известно, что в молодости Берк выпустил брошюру «Оправдание естественного общества, или Взгляд на бедствия и зло, возникающие для человечества из всякого вида искусственного общества» (A Vindication of Natural Society..., 1756), где приводились совершенно анархические взгляды, но, по-видимому, это была скорее игра ума, чем изложение серьезных убеждений автора. Благодаря появлению в 1907 году немецкого перевода этой брошюры, она сделалась теперь доступной.

¹⁶ Keim A. Helvétius, sa vie et son œuvre, d'après ses ouvrages, des écrits divers et des documents inédits]. 1907.

им посвященной. Перелом в мирозерцании Годвина произошел не сразу. По собственному его признанию, перестал он верить только тридцати трех лет, когда его религией сделался неопределенный деизм, но уже через три года, в период работы над «Политической справедливостью», он был атеистом, хотя позднее, будучи лет сорока, с меньшею охотой так себя называл, а еще позже даже отвращал своих учеников от атеизма в собственном смысле. По-видимому, окончательно к неверию его привело знакомство с «Системой природы» Гольбаха. Между прочим, для вопроса об отношении Годвина к религии названный исследователь его атеизма пользовался изданными только в 1873 г. четырнадцатью статьями Годвина под общим заглавием «*Essays Hitherto Unpublished*», предисловием к которым служит письмо их автора к дочери (жене [поэта Перси Биши] Шелли). Другой биограф Годвина, Рамус, утверждающий, что общим заглавием этой книги было «Разоблаченный дух христианства» («*The Genius of Christianity Unveiled*»), в атеизме Годвина видит настоящую причину того, что он оказался таким смелым мыслителем в своей «Политической справедливости». Эволюция Годвина от фанатического кальвинизма к вольнодумству, завершившемуся полным неверием, – проблема, над которой еще предстоит поработать. Теперь же необходимо отметить, что на его психике, как позднее и на психике Ренана, остались неизгладимые следы духовного воспитания, в данном случае не только с его душевною сухостью, но и с его стремлением к логической последовательности, не останавливавшейся ни перед какими выводами. Французские писатели XVIII века, по собственному его признанию, увлекли его именно своею простотой и стройностью логического мышления. Из той же кальвинистской школы вынес он и чувство непреклонного долга, которое отличало его бывших единоверцев и делало их такими суровыми, стойкими, непримиримыми, хотя потом жизнь немного потрепала Годвина.

Оставляя в стороне вопрос о начале литературной деятельности Годвина, нужно здесь остановиться только на отношении его к внутренней политике Англии в годы, предшествовавшие Французской революции. Английские отщепенцы от государственной церкви в высшей степени сочувственно относились к своим единоверцам, американским колонистам, восставшим против метрополии, которая их притесняла. Возникшая по этому поводу партийная борьба между сторонниками и противниками войны с колониями захватила и Годвина. Он, конечно, выступил на стороне последних и примкнул к уже упоминавшемуся выше Обществу Конституционной информации, требовавшему, между прочим, введения в Англии всеобщего избирательного права. Годвин вступил в него тотчас же по переселении в Лондон (1783), где настолько обратил на себя внимание своими публицистическими статьями, что возник было план сделать его редактором новой английской газеты. Он, однако, уклонился от такой чести, не желая связать личную свою независимость договором с какой бы то ни было партией, – черта, характерная для такого индивидуалиста, каким был Годвин. В эти годы очень большое влияние на него оказывал мало теперь известный Томас Холкрофт (Holcroft) – вышедший прямо из простого народа писатель, страстный поклонник французской литературы, энтузиаст, горячо веривший в умственный и политический прогресс, во внутреннюю силу истины, что все благое будет совершенно успехами разума. Чаянием его сердца были прекращение войн и национальной исключительности, равенство и братская любовь всех людей, полнота жизни каждой человеческой личности, ее действительная свобода при отсутствии обещанной награды, угроз наказанием и приманок любостяжания. Все эти благородные мечтания нашли потом отражение на страницах «Политической справедливости». Этот эпизод дружбы Годвина с Холкрофтом заслуживал бы более обстоятельного освещения.

Французская революция, вспыхнувшая вскоре после переселения Годвина в Лондон, очень его заинтересовала, и он стал частым гостем салона одной писательницы, Хелен Марии Уильямс, у которой встречался со многими тогдашними литературными и политическими деятелями, обменивавшимися своими мнениями о событиях за чашкой чая. Кроме своего друга Холкрофта, Годвин виделся здесь с молодой писательницей Мэри Уолстонкрафт, много позднее ставшей его женой. Она была одной из первых, ответивших Берку

за его нападки на Французскую революцию страстным памфлетом «В защиту прав человека», за которым последовал другой, под заглавием «В защиту прав женщины» – первое проявление теоретического феминизма. Брак ее с Годвином был непродолжительным, но в его жизни знакомство и сближение с Уолстонкрафт было очень важным моментом. Не так давно, почти одновременно с указанными выше французскими книгами о Годвине, вышли две английские книги о его жене¹⁷. В эту пору Годвин очень сблизился еще с двумя противниками Берка, печатно защищавшими Французскую революцию. Один из них, Томас Пейн, уезжая из Англии во Францию, даже возложил на Годвина с Холкрофтом и еще одним единомышленником наблюдение за печатанием двухтомного своего труда «Права человека», вышедшего в свет в 1791 и 1792 годах. Другим был Джеймс Макинтош, один из главных оппонентов Берка, разобравший его памфлет в своем труде «*Vindiciae Galliae*». Как и Пейн, это тоже был поклонник естественного права, сторонник сохранения за человеком в обществе наибольшей личной свободы. Первый из названных в начале нашего очерка биографов Годвина – Кеган [Пол] – сделал очень хорошо, что поставил вопрос о друзьях героя своей книги. Многие в «Политической справедливости» было, конечно, результатом бесед и споров о событиях революции и особенно о ее принципах. Тщательное сравнительное изучение произведений Годвина, Мэри Уолстонкрафт, Пейна, Макинтоша и др. могло бы вскрыть многое в генезисе идей, изложенных в «Политической справедливости».

Такова была атмосфера, окружавшая Годвина в первые годы Французской революции. «Я, – писал он сам об этом времени, – уже прежде с большим удовлетворением читал сочинения Руссо, Гельвеция и других наиболее популярных французских писателей и не мог не питать великих надежд на революцию, предтечами которой были такие писатели. Однако, – признается он далее, – я был далек от того, чтобы одобрять все, что я видел уже в начале революции. Ни на одно мгновение я не переставал порицать правление толпы, импульсы людей, как только они соединены в массы, одни против других. Мне нужны были бы такие политические перемены, чистыми источниками которых был бы ясный свет разума и возвышающих благородных чувств». Выше, говоря об отношении к Годвину Жореса, мы уже видели, что автор «Политической справедливости» был очень далек от революционного метода осуществления политического идеала, и он в течение всей жизни оставался верен своему основному тактическому взгляду, сторонясь постоянно от всякой организованной пропаганды, от какой бы то ни было конспирации, от всего, похожего на партийную дисциплину. Задумав сам написать книгу, но не о самой революции, а по ее поводу, об основах разумного общежития, о которых он постоянно беседовал с Холкрофтом, Годвин позднее писал об этом так: «В первом пылу энтузиазма я питал надежду отсечь от скалы такой камень, который своею силою тяжести раздавил бы всякую оппозицию и поставил бы политические принципы на незыблемые основания». Бросив другие занятия, он так энергично принялся за работу, что врачи стали серьезно опасаться за его здоровье. Между прочим, он даже изучил итальянский язык, чтобы в подлиннике прочесть знаменитое сочинение Беккариа «О преступлениях и наказаниях». Не знаю, исследовал ли кто-нибудь обстоятельно вопрос о том, что и как было заимствовано Годвином из идей этого итальянского криминалиста, но это во всяком случае интересная тема, исследование которой важно и для вопроса о европейском значении Беккариа. Какими-то судьбами в публике стало известным, что Годвин работает над большой книгой с очень важным содержанием, и ею уже заранее заинтересовались. В феврале 1793 года, когда в Лондон только что пришло известие о казни французского короля, в продаже появились сразу два больших тома с именем Уильяма Годвина и с заголовком «Исследование о политической справедливости и ее влиянии на всеобщую добродетель и счастье»¹⁸.

¹⁷ G.R. Stirling Taylor. Mary Wollstonecraft[. a Study in Economics and Romance]. 1910; Simon H. William Godwin und Mary Wollstonecraft[. eine biographisch-soziologische Studie]. 1909.

¹⁸ An Enquiry Concerning Political Justice, and Its Influence on General Virtue and Happiness. «Enquiry» – старая форма теперешнего «inquiry».

Книга, однако, не имела такого шумного успеха, который выпал на долю книг Макинтоша и особенно Пейна, которые были посвящены прямо тогдашней злобе дня. У Пейна была демагогическая жилка, был революционный пафос, чего совершенно был лишен Годвин, холодный, абстрактный мыслитель. Он сам называл свой трактат пригодным для чтения только для людей, изучающих политику, о ней размышляющих, отношение же его к непросвещенной массе было прямо недоверчивым. Действительно, «Политическая справедливость» читалась только в ограниченных кругах, где составилось об авторе мнение, как о крупном мыслителе. Последнее обстоятельство сделало Годвина сразу знаменитостью, а среди интеллигентной молодежи он сделался даже настоящим властителем дум: к нему начали обращаться за советами в самых интимных вопросах совести, а в числе молодых энтузиастов, видевших в «Политической справедливости» как бы новое Евангелие, было три поэта, только что достигших лет двадцати или около того. Это были Вордсворт, Кольридж и Саути, мечтавшие основать в Америке идеальную общину, где были бы применены принципы «пантисократии» и «асфетеризма», как они называли отсутствие всякой власти и частной собственности, или, говоря теперешним языком, анархизм и коммунизм. В Совете министров, уже вступившем на путь репрессий по отношению ко всяким проявлениям сочувствия к Французской революции, возникал вопрос о привлечении Годвина к суду, но стоявший во главе министерства Питт успокоил своих коллег тем соображением, что большая книга, продающаяся так дорого (она стоила три гинеи, то есть немногим более трех фунтов стерлингов), не может быть особенно опасной. Благодаря такому решению вопроса Годвин имел возможность в 1796 году выпустить второе издание «Политической справедливости». Это были лучшие, наиболее славные годы в жизни Годвина, кратковременный его героический период, когда он выступал в мало свойственной его характеру роли политического борца. Вместе с тем Годвин приобрел известность в самой широкой публике шумным успехом своего романа «Вещи, как они есть, или Приключения Калеба Уильямса» (1793) – произведения, имевшего целью популяризовать идеи автора в наиболее широких кругах нации.

«Исследование о политической справедливости» представляет собой двухтомный труд, в котором более тысячи страниц. Каждый из них состоит из четырех «книг», заголовки которых нахожу нужным здесь привести, чтобы дать общее понятие о трактующих в них материях. Первая книга говорит о «способностях человека с точки зрения его общечеловечности» (social capacity), во второй излагаются «основания (principles) общества», в третьей – «основания правления», а четвертая трактует «о действии рассуждения (opinion) в обществах и индивидах»¹⁹, пятая посвящена вопросу «законодательной и исполнительной власти», седьмая и восьмая называются «О преступлении и наказании» и «О собственности». Уже этот перечень показывает, что книгу Годвина можно рассматривать как абстрактный социологический трактат с экскурсами в область психологии, политики, юриспруденции и экономики. Каждая такая книга является разделенною на главы, в начале которых приводятся заголовки отдельных параграфов, повторяющихся потом на полях у первых строк этих параграфов, что очень облегчает пользование трактатом. Это свидетельствует о систематичности и расчлененности мышления автора. Таков внешний вид издания.

«Политическая справедливость» Годвина уже неоднократно излагалась. В изложении этой книги не встречается, думаю я, никаких недоразумений, потому что в ней все ясно, определено, последовательно и автор идет по одной прямой линии развития основной своей мысли о неограниченной суверенности, о полной автономии отдельной человеческой личности. В этом отношении «Политическая справедливость» совсем не похожа на «Общественный договор» Руссо, в котором мысль автора ходит по двум путям: по путям

¹⁹ Н.И. Кареев ошибся. О мнении (рассуждении) в его связи с политическими учреждениями («Of Opinion Considered as a Subject of Political Institution») У. Годвин пишет в шестой книге «Исследования о политической справедливости». Четвертая же книга называется «Miscellaneous Principles» («Прочие основания») и посвящена обоснованию права человека на сопротивление, а также проблемам революции, обязанностям гражданина, тираноубийству, распространению истины и т.д. – Прим. ред.

индивидуальной свободы, с одной стороны, и народного суверенитета, с другой, что породило столько споров относительно того, как следует понимать Руссо. Относительно Годвина не приходится специально доказывать, что он стоит за индивидуальную свободу, как это недавно сделал Г.Д. Гурвич по отношению к Руссо в интересной книжке «Руссо и декларация прав» (1918 г.), опровергая противоположный тезис о государственном абсолютизме Руссо. Годвин от начала до конца друг свободы личности и всякого вне ее находящегося авторитета. Интересно, что с этой стороны Годвин понравился Бенжамену Констану, который, как известно, критиковал Руссо как государственного абсолютиста. Есть также указание, что Бенджамен Констан переводил Годвина, но воздержался от опубликованного перевода, не желая содействовать распространению «противообщественных принципов и химерических предсказаний». Оговариваясь, что, по его мнению, правительство вовсе не зло, как думает Годвин, лишь бы оно не выходило из своей сферы, французский теоретик либерализма высоко ставил в числе «новых истин и глубоких идей» трактата Годвина то, что он определяет как «остроумный и убедительный анализ неудобных сторон (inconvenients) власти» и как «опровержение коварного и опасного допущения полезных заблуждений». Одним словом, «Политическая справедливость» – произведение цельное, последовательное, прямолинейное, не нуждающееся в толкованиях, без которых немыслимо читать, переводить и излагать «Общественный договор» Руссо.

Если трактат Годвина уже начал излагаться в исторической литературе, то пока еще не начали его изучать. Еще предстоит его научно исследовать в тройном смысле: его объяснения, его анализа и его критики. В первом отношении нужно исследовать происхождение его идей, его литературные источники, во втором – разобрать его со стороны общего его построения, политической последовательности, взаимной связи его основных положений, его метода, способа пользования в нем идейным и фактическим материалом, в третьем же смысле – обсудить вопрос о степени соответствия его предпосылок и выводов научно понятой действительности, осуществимости главных его желаний и предсказаний и даже приемлемости его идеала с этической и социальной точек зрения. Первые две точки зрения, строго объективные, научные, могут быть определены как историко-литературная (первая) и методологическая (вторая), но в третьей, критической, кроме объективизма проверки мыслей автора данными опыта, неизбежен и некоторый этический и социальный субъективизм. Недостатка в критических замечаниях, касающихся идей Годвина, не было, начиная с Мальтуса, обращалось некоторое внимание и на влияния, под которыми оказался трактат Годвина, но по среднему, методологическому, пункту лишь некоторый, так сказать, приступ к систематическому анализу содержания «Политической справедливости» сделан в небольшой, как сказано выше, работе Е. Зайцевой, где изложение труда Годвина заменено очень, правда, коротким (менее нежели на десяти страницах) анализом философской, гносеологической (erkenntnistheoretischen) и методологической сторон «Политической справедливости». Значение этих страниц в книжке Е. Зайцевой – в постановке такой проблемы.

Сверх историко-литературной, методологической и критической проблем исследования «Политической справедливости» Годвина есть еще две, которые я назвал бы исторической, в несколько суженном смысле, и историографической. Первая сводится к вопросу: какую роль это произведение сыграло в истории, вторая – к рассмотрению, как к нему отнеслись писавшие о нем историки.

Выше «Политическая справедливость» в некотором отношении сопоставлена была с «Общественным договором». И здесь приходит на ум сравнить обе книги со стороны их значения в истории, их влияния на жизнь и на мышление современников и потомства. Нечего говорить о том действии, которое произвел трактат Руссо на умы и на сердца поколения, произведшего Французскую революцию, и о влиянии его на политическую науку, начиная с Канта. Ничего подобного нельзя сказать о «Политической справедливости» Годвина. В свое время книга эта очень на шумела, но в сравнительно ограниченном кругу тогдашнего общества. Мы можем даже сказать, что очень скоро она была почти забыта и о ней

упоминали лишь как о произведении, вызвавшем знаменитый «Опыт о народонаселении» Мальтуса, где доказывалось, что человеческие бедствия должны объясняться не дурными общественными порядками, как настаивал Годвин, а законами природы, размножающей население в геометрической прогрессии, а жизненные средства – лишь в арифметической. Позднейшая полемика Годвина против Мальтуса не доставила ему победы в общественном мнении. В дальнейшей жизни Годвина окружала нравственная пустыня. Нужно обратиться к английской реакции конца XVIII и начала XIX веков, чтобы уяснить себе, как это случилось. У Годвина оказалось больше врагов, чем друзей. Даже уже упоминавшиеся выше его поклонники, поэты Кольридж и Вордсворт, от него отшатнулись. Первый обрушился на его мораль в одной резкой газетной статье уже в 1796 году, другой написал драму («The Borderers»), где вывел на сцену злодея, вытравившего в себе, якобы по совету Годвина, все человеческие чувства, чтобы жить только расчетом пользы. Тем не менее он все-таки оказал влияние на некоторых позднейших писателей, что ставит перед исследователем «Политической справедливости» проблему проследить, у кого и где оказалось влияние идей Годвина. В числе людей, испытавших это влияние, указывают прежде всего на английского экономиста первой трети XIX века Томаса Годскина, отстаивавшего право рабочего на весь продукт своего труда²⁰ и оказавшего влияние на вожakov чартистского движения, а одно время считавшегося писателем, который предвосхитил учение Маркса о прибавочной ценности. Этот писатель, «лишь недавно вырванный из забвения» (выражение П. Рамуса) французским исследователем Галеви ([Élie] Halévy)²¹, может считаться одним из ранних представителей индивидуалистического анархизма благодаря книге «Естественные и искусственные права собственности»²², вышедшей в свет в начале тридцатых годов прошлого²³ века. П. Рамус, особенно обративший внимание на вопрос о влиянии Годвина на других писателей, рядом с Годскином ставит еще некоторых других ([Charles] Hall, [William] Thompson, [John] Gray и [John Francis] Bray), подчеркивая при этом влияние, какое в свое время они оказали на Маркса и Энгельса. Указывают еще на то, что влияние Годвина отразилось и на Роберте Оуэне, хотя П. Рамус этот вопрос устраняет, находя (не совсем, конечно, правильно), что это был только человек практики, отнюдь не теории. Как бы там ни было, это особая тема, заслуживающая разработки.

В последние десятилетия к Годвину стали тяготеть анархисты. Интересно было бы исследовать вопрос: кто и когда из последних анархистов узнал о существовании Годвина и его «Политической справедливости», т.е. до своего обращения в анархизм или после и даже вследствие этого обращения. Этим ставится вопрос о значении Годвина в истории анархизма. Из того, что он был первым систематическим его теоретиком, отнюдь еще не следует, чтобы все развитие анархических теорий пошло от «Политической справедливости» Годвина. Кропоткин, высоко ставивший эту книгу, но познакомившийся с ней, когда уже был анархистом, находил анархистов уже в революционной Франции конца XVIII в. В XIX веке тоже многие делали анархистами, не зная о существовании Годвина. Но раз народилось такое движение и Годвин сделался известным его участникам и сторонникам, позволительно поставить вопрос о том, какую роль идеи Годвина стали играть после того, как были извлечены из-под спуда. Вместе с этим сам собою ставится вопрос о месте Годвина в классификации отдельных направлений анархизма с самых первых их проявлений до наших дней.

С этим вопросом мы уже переходим на историографическую точку зрения. Мы видели, что Годвином за последние десятилетия заинтересовались не одни анархисты, но и вообще историки, увидевшие в авторе «Политической справедливости» незаурядную

²⁰ Брошюра 1825 г. «Защита труда против притязаний капитала» (Labour Defended against the Claims of Capital).

²¹ Halévy É. Thomas Hodgskin (1787–1869). Paris: Société nouvelle de librairie et d'édition, 1903. – Прим. ред.

²² [Hodgskin T.] The Natural and Artificial Right of Property Contrasted. [1832.]

²³ Имеется в виду XIX в. – Прим. ред.

личность, незаслуженно долгое время не обращавшую на себя должного внимания. Стали появляться его биографии, центром внимания которых сделался его анархистский трактат, ибо в нем заключаются все оригинальные идеи этого писателя. Только один Руссен почему-то отнесся с некоторым сомнением к праву Годвина считаться родоначальником анархизма. «В наши дни, – говорит он, между прочим, – теоретики анархии, по-видимому, пытаются связать себя с Годвином. Но в этом нужно видеть не что иное, как претензию семьи какого-нибудь выскочки облагородить свое происхождение». Слово «по-видимому» в этой цитате поставлено совершенно напрасно: это происходит несомненным образом. Только еще прибавка Руссена, что учение Годвина вовсе и не было таким ортодоксальным анархизмом, показывает, что автор словно желает как-то выгородить Годвина. Но что назвать ортодоксальным анархизмом? Само понятие анархии исключает возможность здесь какой-либо ортодоксальности. Ведь в анархизме есть несколько течений, не во всем согласных между собою и отражающих на себе личные характеры его вождей. В известной книге Эльцбахера [«Анархизм». – *Прим. ред.*], строго объективном изложении учений Годвина, Прудона, Штирнера, Бакунина, Кропоткина, Такера (Tucker)²⁴ и Льва Толстого, прямо устанавливается чисто научная классификация разновидностей анархизма по их отношению к морали, к желательному строю общества, к праву, к собственности, к способам осуществления идеала. В начале своей книги²⁵ он устанавливает те вопросы, ответы на которые нужно искать в отдельных теориях анархизма. Эльцбахер интересуется Годвином не как исторической личностью, англичанином конца XVIII века, а как представителем известной разновидности анархизма, – точка зрения, конечно, не исключающая исторической и вполне законная. В конце своего труда Эльцбахер дает даже сводную таблицу, заключающую в себе классификацию разновидностей анархизма. По ней выходит, что из пяти пунктов, признаваемых им наиболее важными, Годвин в трех сходится со Штирнером и Толстым, в двух – с Прудоном, в одном ни с кем не сходится и ни в одном, наконец, не сходится с Бакуниным, Кропоткиным и Такером. В данном случае к изучению Годвина был применен не индивидуализирующий, а генерализирующий исторический метод, для которого важен не единичный предмет, а известная группа, класс, категория. Здесь уже определяется место «Политической справедливости» Годвина не в истории анархизма, а в его классификации, чем ответ на историческое значение данного лица обогащается новым признаком, установленным при посредстве сравнительного метода. Другой вопрос, насколько верно классификационное определение Годвина у Эльцбахера, но Кропоткин, которого он так решительно обособляет от Годвина, очень высоко ценил труд Эльцбахера как серьезный и честный. Здесь не место входить в подробности разновидностей анархизма, но не один Эльцбахер старался ближе определить годвиновский анархизм в отличие от других родственных разновидностей. Делает это и Рамус, определенно причисляя Годвина к анархистам-коммунистам (каким, прибавим, был и Кропоткин), что заставляет этого исследователя искать предшественников Годвина не только среди анархистов, но и среди коммунистов.

«Политическая справедливость» Годвина действительно заключает в себе сочетание анархизма с коммунизмом, наблюдаемое и у Кропоткина, так что с этой стороны Эльцбахер не прав, резко противопоставляя их одного другому. Как Годвин соединяет в своем уме отрицание всякой государственной власти с обобществлением собственности – эта интересная проблема может быть лучше понята в свете сравнительного изучения отдельных теорий, и метод Эльцбахера здесь вполне применим. В целой «Политической справедливости», однако, анархизму принадлежит доминирующее положение, и коммунизм является лишь придатком. Это видно не только из того, что из восьми частей трактата

²⁴ В русскоязычных изданиях «Анархизма» П. Эльцбахера используется не вполне корректная версия транслитерации фамилии *Tucker*, принятая в начале XX в., – *Тукер*.

²⁵ В первом русском переводе (заграничного издания) [1906 г.] этой части почему-то нет. [В последнем русском издании данная часть присутствует: *Эльцбахер П. Анархизм. Суть анархизма* / Пер. с нем. Б. Яковенко. М.: АСТ: АСТ МОСКВА, 2009. – *Прим. ред.*]

семь посвящено отрицанию прав общества над индивидом в формах государства, законов и общественного мнения и лишь одна – отрицанию частной собственности, но и из того, что последнее вытекает, по его мнению, не из чего иного, как из «простой формы общества без правительства» в качестве его постулата. Здесь на первом плане не равные для всех права на материальные блага, а вред собственности, в последнем анализе для личного развития, поскольку и она является одним из внешних, стесняющих условий. Эта сторона учения Годвина заслуживает отдельного рассмотрения. В 1890 г. некто H.S. Salt перепечатал восьмую книгу его трактата под заглавием «Очерк "О собственности" из "Политической справедливости" Годвина» (Godwin's «Political Justice»: A Reprint of the Essay on «Property»), причем впоследствии появился и немецкий перевод книги Годвина «О собственности» со вступительной статьей Barfeld'a. Кроме того, несколько выдержек из этой части труда Годвина были напечатаны во французской книге о нем Гурга. Говоря о литературных влияниях, которые испытывал на себе Годвин, исследователи большею частью имели в виду моралистов и политических писателей, но наличность коммунистической части в труде Годвина заставила Е. Зайцеву полагать, что он был знаком с французскими социалистическими теориями XVIII века. Эта писательница объясняет данным предположением известное сходство с указанными теориями.

Причисление Годвина к анархистам не допускает никаких возражений, но принадлежность его к числу коммунистов требует некоторых оговорок. У него не было ничего общего с ранними коммунистическими утопиями: с их общей работой, так или иначе регламентированной, с общими складами продуктов, с общими трапезами и т.д. Это был коммунизм более отвлеченный, принципиальный, нежели конкретный и детальный, коммунизм без принудительных правил, без каких бы то ни было следов государственности, законодательной регламентации, без предъявления индивиду каких бы то ни было требований извне. Необходимый для существования труд отнюдь не казался ему обобществленным, коллективным, а рисовался в его воображении чисто личным занятием по собственному вкусу, вполне изолированным, причем и жизнь казалась ему привлекательной в одиночку, особняком, без брачных и семейных уз, стесняющих личную свободу. Быть может, нигде в таком количестве не рассеяно в книге Годвина утопических элементов, как в этой части его труда. Годвин жил в эпоху наибольшей веры в прогресс, и в будущем человечества ему ничто, кажется, не представлялось невероятным. Его идеи в этом отношении шли в одну ногу с широкими упованиями Кондорсе на бесконечное усовершенствование человеческой жизни. Не даром же Мальтус в своем «Опыте о народонаселении» возражал не одному Годвину, но и Кондорсе.

Уже было сказано выше, что всю надежду свою на приближение человечества к идеальному будущему, рисовавшемуся ему главным образом в форме безграничной свободы личности от каких бы то ни было налагаемых на нее извне уз, он возлагал на мирные успехи человеческого разума, и в этом смысле, как и в других отношениях, он был типичный рационалист с безграничным оптимизмом. Он крепко верил в то, что дабы переустроиться, человечество должно перевоспитаться, ибо был убежден, что человек находится целиком во власти воспитания, разумея под ним все культурные и социальные влияния, которым подвергается каждая человеческая личность. Мысль эту, высказанную в одной из первых глав «Политической справедливости», он развил еще в книге 1797 года «Исследователь: размышления о воспитании, нравах и литературе» (The Enquirer: Reflections on Education, Manners and Literature), вследствие чего и эта книга должна быть привлечена к исследованию содержания «Политической справедливости», как это отчасти и делает Гург, приводящий из нее наиболее интересные пассажи.

В заключение этого очерка мне остается только самым кратким образом досказать биографию Годвина. Принципиальный противник брака и семьи, связывающих свободу личности, Годвин в 1796 году женился на Мэри Уолстонкрафт, но долго скрывал от друзей и знакомых существование этого брака. У них родилась дочь, вышедшая впоследствии замуж за Шелли, но после ее рождения мать вскоре умерла. Годвин почтил ее память

изданием ее мемуаров, а в следующем (1799) году издал роман «Сен-Леон», где в разрез с прежними своими идеями проводил мысль о превосходстве семейного чувства над филантропией. Мало того, он сделал еще два брачных предложения, бывших отвергнутыми, пока в 1801 г. ему не удалось жениться, и, нужно прибавить, очень неудачно, на одной вдове с двумя детьми. Начались материальные затруднения. Замыслы новых теоретических трактатов были оставлены. Для заработка Годвин начал писать детские, школьные и популярные книжки (под псевдонимом Baldwin'a), открыл в 1805 г. под чужим именем книжный магазин, стал особенно часто прибегать к займам у друзей, часть которых стала даже во враждебные к нему отношения. В числе последних оказались еще Макинтош и Самюэль Парр, разошедшиеся с ним на теоретической почве. В эти же первые годы XIX века на него посыпался ряд возражений и обличений, принимавшихся им близко к сердцу. На некоторые нападки он отвечал. К этому присоединились и литературные неудачи: одну его трагедию освистали, другую даже отказались поставить на сцене, новые его произведения ничего ему не приносили. Дело доходило до того, что Годвину пришлось пользоваться частной благотворительностью. Во втором десятилетии века с ним сошелся Шелли, с которым у него образовались сложные отношения. Шелли, бывши уже женатым, увез старшую дочь Годвина в Швейцарию, куда бежала и другая его дочь (от второго брака), сошедшаяся с Байроном. Несмотря на вызванную этим ссору, зять не отказывал тестю в материальной помощи. Грустно читать биографию Годвина за эти годы, когда он совсем, можно сказать, опустил, измывал. Правда, впоследствии к нему вернулись его прежние друзья: Вордсворт, Кольридж, Макинтош, из которых последний устроил в его пользу публичную подписку, а старый его поклонник лорд Грей, сделавшийся министром, устроил его на одной казенной должности, бывшей, в сущности, синекурой, но жизнь его протекала вяло и тускло. Писать он все-таки продолжал, но без былого успеха. К этому времени относятся его запоздалый ответ Мальтусу под заглавием «О народонаселении» (1820)²⁶, «История английского государства: от его начала до реставрации Карла II» (1824–1828)²⁷, «Размышления о человеке, его природе, его труде и изобретениях» (1831)²⁸, не называя других. Запоздалость (через двадцать лет) своего возражения Мальтусу Годвин объяснял тем, что прежде считал возражение делом несостоящим, но что когда увидел, как пользуются аргументами Мальтуса фабриканты против рабочих, то признал себя не вправе молчать. Критика отнеслась к этому ответу очень неблагоприятно, что не могло не огорчить Годвина. Его порадовал только выход в свет этой книги в Париже во французском переводе. Умер Годвин в 1836 году, достигнув восьмидесятилетнего возраста²⁹.

WILLIAM GODWIN AND HIS «POLITICAL JUSTICE»

KAREEV N.I.

From the editors. The article re-prints an essay by Russian sociologist and historian Nikolai Kareev (1850–1931), first published in 1929. Reasoning about «Political Justice» by W. Godwin, the author does not confine himself to analyzing therein presented «sociological system». He pays attention to the history of the making of this treatise, as well as to ideological and political contexts that had shaped Godwin as a thinker. Besides, Kareev traces the reaction of contemporaries to «Political Justice» and offers his explanation of the steadily declining interest in the reading public for Godwin and his successive writing.

²⁶ Of Population: An Enquiry Concerning the Power of Increase in the Numbers of Mankind. – Прим. ред.

²⁷ History of the Commonwealth of England: From Its Commencement, to the Restoration of Charles the Second. – Прим. ред.

²⁸ Thoughts on Man, His Nature, Productions, and Discoveries. – Прим. ред.

²⁹ Самый полный список написанного Годвином и напечатанного с его именем, анонимно или под псевдонимом Baldwin'a, в книге Gourg'a [см. сноску 4 на с. 102. – Прим. ред.]. Портрет кисти Норткота воспроизведен в приложении к брошюре P. Ramus'a [см. сноску 2 на с. 101. – Прим. ред.].